

Прошлое, обращенное в современность и будущее

А. Г. Звягинцев*

Нюрнбергский процесс явился ответом на небывалые ранее в мировой истории злодеяния фашистов, стал важной вехой в развитии международного права и национальных правовых систем и первым в истории опытом осуждения преступлений государственного масштаба — преступных деяний правящего режима, его карательных институтов, высших политических и военных деятелей.

Следует отметить, что советское руководство последовательно и настойчиво проводило линию на проведение международного суда над руководителями фашистской Германии.

Из рассекреченных ныне документов следует, что советское правительство еще в конце 1941 г. поставило перед союзниками вопрос об ответственности германского правительства и командования за совершаемые ими злодейские преступления на территориях, временно оккупированных вермахтом.

27 апреля 1942 г. правительство СССР официально направило послам и посланникам всех стран ноту «О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления». Требование о создании международного военного трибунала содержалось и в заявлении советского правительства от 14 октября 1942 г. «Об ответственности гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния, совершаемые ими в оккупированных странах Европы».

2 ноября того же года Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «Об образовании Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР»¹.

В ноябре 1942 г. в Москве готовился ответ на очередные английские ноты. Видно, что в работе над этим документом принимало участие высшее руководство страны. На проекте ответа, подготовленном наркомом иностранных дел В. Молотовым, стоит виза И. В. Сталина: «За». И на четвёртой странице проекта рукой Сталина поправлена фраза: «Советское правительство приветствовало бы, если под углом зрения вышеизложенного была бы достигнута договорённость о задачах комиссии Объединённых Наций и о создании теперь же, ещё до окончания войны, Международного трибунала».

Однако идея международного судебного процесса над главными немецкими военными преступниками утвердилась в антигитлеровской коалиции не сразу.

Некоторые государственные деятели Запада думали расправиться с военными преступниками, не заботясь о юридической процедуре и формальностях. Например, еще в 1942 г. премьер-министр Великобритании У. Черчилль решил, что нацистская верхушка должна быть казнена без суда. Это мнение он не раз высказывал и в дальнейшем.

* Александр Григорьевич Звягинцев — заместитель Генерального прокурора Российской Федерации.

Похожие идеи существовали и по другую сторону Атлантики. В марте 1943 г. госсекретарь США Халл заявил на обеде, где присутствовал и посол Великобритании в США лорд Галифакс, что предпочел бы «расстрелять и уничтожить физически все нацистское руководство».

Еще проще смотрели на эту проблему некоторые военные. К примеру, 10 июля 1944 г. американский генерал Д. Эйзенхауэр предложил расстреливать представителей вражеского руководства «при попытке к бегству».

Высказывались также мысли полностью уничтожить весь немецкий генеральный штаб, весь личный состав СС, все руководящие звенья нацистской партии, вплоть до низовых, и т. д. Президент США Франклин Рузвельт не только не возражал соратникам, но фактически их поддерживал. 19 августа 1944 г. он заметил: «Мы должны быть по-настоящему жесткими с Германией, и я имею в виду весь германский народ, а не только нацистов. Немцев нужно либо кастрировать, либо обращаться с ними таким образом, чтобы они забыли и думать о возможности появления среди них людей, которые хотели бы вернуть старые времена и снова продолжить то, что они вытворяли в прошлом».

Такие суждения были характерны для многих американцев. По данным социологического опроса 1945 г., 67 % граждан США выступали за скорую внесудебную расправу над нацистскими преступниками, фактически за линчевание. Англичане также горели жаждой мести и были в состоянии обсуждать, по замечанию одного из политиков, лишь место, где поставить виселицы, и длину веревок.

Конечно, такие взгляды имели право на существование. Небывалые злодеяния фашистов вызывали ярость и всеобщее возмущение во многих странах, в первую очередь оказавшихся непосредственными жертвами фашистской агрессии и массовых злодеяний оккупантов, лишали людей терпения, столь необходимого для организации и ведения процессов по всем правилам юриспруденции.

Отметим, что внесудебные расправы все-таки вершились. Трудно обвинить, например, бойцов движения Сопротивления, расстрелявших диктатора Италии Б. Муссолини. Бойцы французского движения Сопротивления казнили без суда более 8 тыс. фашистов и их пособников. В этих случаях возмездие, конечно, состоялось, но несомненно и то, что в случае гласного суда урок истории в большей степени соответствовал

бы духу времени и понятию законности, стал бы еще нагляднее и поучительнее.

В этом отношении советское руководство оказалось гораздо дальновиднее и, я бы сказал, мудрее многих западных политиков. Как мы уже отметили, Сталин еще в начале войны выступил за юридическую процедуру наказания военных преступников.

Когда Черчилль пытался навязать ему свое мнение, Сталин твердо возразил: «Что бы ни произошло, на это должно быть... соответствующее судебное решение. Иначе люди скажут, что Черчилль, Рузвельт и Сталин просто отомстили своим политическим врагам!»

«Мы должны сделать так, — настаивал британский премьер на встрече со Сталиным в Кремле 9 октября 1944 г., — чтобы даже нашим внукам не довелось увидеть, как поверженная Германия поднимается с колен!» Сталин был в принципе не согласен с такой постановкой вопроса. «Слишком жесткие меры возбуждают жажду мести», — ответил он Черчиллю.

Следует отметить, что еще в ходе войны в СССР состоялись первые процессы над нацистскими преступниками. Например, на заседании советского военного трибунала в Харькове в декабре 1943 г. было рассмотрено дело трех немецких офицеров, обвиненных в варварских казнях мирных граждан с применением «газенагенов», или, как их называли в народе, душегубок².

Постепенно к идее суда подходили и западные союзники. В конечном счете советское руководство добилось своего. Но при этом, по мнению премьер-министра Великобритании Черчилля, суд над главными немецкими преступниками должен был быть политическим, а не юридическим актом. Президент США Рузвельт заявлял, что процедура не должна быть слишком юридической и при всяких условиях на суд не должны быть допущены корреспонденты и фотографы.

Справедливости ради необходимо сказать, что, наряду с циничными предложениями о трибунале как о формальном прикрытии предрешированного расстрела, некоторыми представителями Запада в антигитлеровской коалиции высказывались мысли о необходимости серьезного разбирательства и справедливых вердиктов. «Если мы просто хотим расстреливать немцев и избираем это своей политикой, — говорил судья Роберт Х. Джексон (в будущем — главный обвинитель на Нюрн-

бергском процессе от США), — то пусть уж так и будет. Но тогда не прячьте это злодеяние под видом вершения правосудия. Если вы заранее решили в любом случае казнить человека, то тогда и в суде над ним нет никакой необходимости. Однако всем нам следует знать, что мировое сообщество не испытывает почтения к тем судам, которые изначально являются лишь инструментом вынесения обвинительного приговора».

С английской стороны вопрос о создании специальной комиссии для расследования военных преступлений был впервые поднят британским лордом-канцлером Саймоном в Палате лордов 7 октября 1942 г. Начиная с 29 октября 1942 г. и по 2 февраля 1944 г. между британским и советским правительствами имела место довольно интенсивная дипломатическая переписка по вопросам, связанным с организацией этой комиссии.

Как следует из рассекреченной сегодня «Справки о лондонской комиссии по расследованию военных преступлений», датированной 18 января 1945 г. за № 89-В и адресованной В. Молотову, наиболее спорным оказался вопрос о составе комиссии. Англичане настаивали, чтобы в комиссии участвовали, помимо других Объединённых Наций, представители тех британских доминионов, которые пожелают принять участие в работе этой комиссии. СССР не возражал против участия доминионов по вопросам, в которых были заинтересованы британцы, но настаивал, чтобы на тех же основаниях к работе комиссии были допущены представители тех советских союзных республик, которые непосредственно пострадали от гитлеровского нашествия. На это англичане ответили, что на пути допуска союзных республик к отдельному представительству возникают «непреодолимые трудности»³.

15 октября британский посол в Москве господин Керр сообщил о том, что учредительное заседание комиссии намечено на двадцатое октября и выразил надежду, что советское правительство уполномочит вновь назначенного посла СССР Гусева принять участие в этом заседании. На это заместитель председателя Совнаркома СССР, заместитель наркома иностранных дел А. Я. Вышинский дал ответ, что вопрос об участии советского представителя стоит в зависимости от урегулирования вопроса о составе комиссии. Учредительное заседание комиссии состоялось 20 октября без участия советского

представителя. На этом переписка по данному вопросу прекратилась.

В комиссии, заседавшей в Лондоне, тогда участвовали представители 15 стран: Великобритании, США, Австралии, Бельгии, Канады, Китая, Чехословакии, Греции, Индии, Люксембурга, Норвегии, Польши, Южно-Африканского Союза, Югославии и Франции.

Судя по отзывам в печати, деятельность комиссии сводилась главным образом к отвлечённому изучению теоретических правовых проблем, связанных с вопросом об ответственности военных преступников. Американская газета «П.М.» 16 сентября 1944 г. сообщила, что за 11 месяцев своей деятельности комиссия смогла составить список военных преступников только на 350 человек, причём в нём не фигурировали имена таких преступников, как Гитлер, Гиммлер и Геринг⁴.

С 17 июля по 2 августа 1945 г. работала Потсдамская (Берлинская) конференция глав правительств СССР, Великобритании и США. На ней решались проблемы послевоенного устройства Европы, были приняты важные решения о демилитаризации и денацификации Германии и, среди прочего, о наказании военных преступников. Союзники приняли официальное обязательство судить виновных скорым и справедливым судом. В итоговом документе отмечалось, что на ведущихся переговорах в Лондоне будет вырабатано согласованное мнение по этой проблеме и установлен конкретный срок начала процесса.

Как следует из рассекреченных ныне документов, 7 июня 1945 г. наркоминдел СССР Молотов направил Сталину докладную записку, из которой следует, что американский представитель Розенман 3 мая в Сан-Франциско предложил представителям СССР, Великобритании и Франции начать переговоры о заключении соглашения о наказании главных военных преступников, вручив одновременно проект такого соглашения. В нём, в частности, отмечалось, что для реализации поставленных целей учреждается Международный военный трибунал, для подготовки материалов обвинения и установления лиц, подлежащих суду Международного военного трибунала, образуется следственная комиссия из представителей только СССР, США, Англии и Франции. Включение в её состав представителей Австралии, Бельгии, Канады, Китая, Чехословакии, Греции, Индии, Люксембурга, Норвегии, Польши, Южно-Африканского Союза не предполагалось.

В проекте оговаривалось лишь то, что иные «члены Объединённых Наций приглашаются присоединиться» и что Международный военный трибунал «может заседать в любой части Германии, Австрии или Италии или какой-то иной стране, с согласия этой страны».

В. Молотов в своей докладной записке пишет: «Считаю возможным принять американский проект соглашения в качестве базы для переговоров. Прошу утвердить приложенный проект ответа американскому правительству, в котором даётся согласие советского правительства на переговоры и на принятие американского проекта и качестве основы».

Принятию Устава Международного военного трибунала и других документов предшествовала долгая и кропотливая работа.

Атмосфера Лондонской конференции по подготовке этих документов, которая проходила в Черч-Хаусе в Вестминстере, была напряженной из-за огромной ответственности, возложенной на участников встречи. Международный военный трибунал должен был стать грандиозным мировым событием, открывающим новую эпоху международного сотрудничества. Небывальными были и масштаб, и круг преступлений.

Первое заседание конференции состоялось 21 июня 1945 г. На нем рассматривался список обвиняемых, были назначены четыре подкомиссии для решения спорной ситуации между англичанами и американцами, расходившимися во мнении о том, каков должен быть подход к судопроизводству: на основе поименного списка, по мнению англичан, или на основе предварительного сбора улик, как считали американцы.

Советская делегация на первом заседании не присутствовала. Заместитель народного комиссара иностранных дел Вышинский в ответ на запрос сообщил, что представители СССР прилетят 23 июня. Однако советская делегация прибыла 26 июня и сразу внесла конструктивное предложение: подписать соглашение или протокол, в который в дальнейшем будут внесены необходимые изменения или добавления; таким образом будет выработан устав суда, который определит правила и процедуры процесса. Это предложение было принято.

Не секрет, что при работе над Уставом Международного военного трибунала возникали споры, ведь главные партнеры по антигитлеровской коалиции имели разные правовые системы (англо-саксонская, континентальная и социалистическая). В каждой стране существовали свои

национальные правовые традиции, действовали существенно различающиеся, особенно в процессуальном плане, системы национального законодательства. Уже упоминавшийся Р. Джексон вспоминал, что испытал нечто наподобие шока, «услышав, как российская делегация отзывается о нашей англо-американской практике [обвинения], считая ее несправедливой по отношению к подсудимым. Они приводили следующий довод: мы предъявляем обвинения в общих чертах и затем представляем доказательства на суде. Их подход требует, чтобы при предъявлении обвинения обвиняемому были представлены все доказательства, использованные против него, как документы, так и показания свидетелей. Обвинительный акт в такой форме превращается в доказательственный документ. Таким образом... судебные разбирательства становятся не столько делом изложения доказательств обвинительного акта, сколько попытки подсудимого опровергнуть доказательства, изложенные в обвинительном акте. Таким образом, они полагают, что поскольку континентальная система права не возлагает бремя доказывания на подсудимого, то англо-американская система права кажется им несправедливой, так как она не дает подсудимому представления о полном объеме доказательств, собранных против него. Когда мы представляем их в суде, то многие могут быть удивлены и возможно не смогут адекватно отреагировать, поскольку слишком поздно предпринимать какие-либо действия... В этой критике определенно есть рациональное зерно».

Устав Трибунала должен был стать главным документом, определяющим организацию и порядок деятельности Международного военного трибунала, в том числе процессуальные гарантии подсудимым.

Многие решения на конференции давались трудно. Самая серьезная проблема состояла в противоречиях между правовыми системами СССР, США, Великобритании и Франции — государств, учреждавших Трибунал. Компетентность юристов стран-победительниц не вызвала сомнений, но их не только правовые, но и политические воззрения были порой резко противоположными. К чести этих людей, они старались находить компромисс и в итоге выполнили обязанность, возложенную на них мировым сообществом.

Несмотря на наличие существенных процессуальных трудностей, юристы четырех держав — СССР, США, Великобритании

и Франции — нашли взаимоприемлемые решения и сформировали уникальный процессуальный инструментарий, который оказался действенным.

8 августа 1945 г., т.е. через три месяца после Победы над фашистской Германией, правительства СССР, США, Великобритании и Франции заключили в Лондоне соглашение об организации суда над главными военными преступниками⁵. Неотъемлемой частью соглашения является Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран «оси»⁶. В Уставе была юридически установлена ответственность тех, кто формировал, направлял и реализовывал политику войны как источника ненависти и массовых злодеяний. Криминализация агрессии как тягчайшего международного преступления обрела прочную легитимную, международно-правовую базу.

Это решение вызвало одобрительный отклик во всем мире: необходимо было преподать суровый урок авторам и исполнителям людоедских планов мирового господства, массового террора и убийств, зловещих идей расового превосходства, геноцида, чудовищных разрушений, ограбления огромных территорий.

Членами Трибунала были назначены: от СССР — заместитель председателя Верховного Суда СССР генерал-майор юстиции И. Т. Никитченко, от США — бывший генеральный прокурор Ф. Биддл, от Великобритании — главный судья лорд Дж. Лоренс, от Франции — профессор уголовного права А. Доннедь де Вабр.

Каждая из четырёх стран — участниц Лондонского соглашения направила на процесс своих главных обвинителей, их заместителей и помощников. Советскую делегацию возглавил Р. А. Руденко, занимавший в то время пост генерального прокурора Украинской ССР.

В этот же день главные обвинители СССР, США, Великобритании и Франции собрались на первое совместное заседание для составления согласованного списка подсудимых. Все сошлись во мнении, что это будет, скорее всего, десять–двенадцать человек из разных властных структур нацистов. Представитель СССР И. Т. Никитченко настаивал на том, что в списке обязательно должны находиться также и промышленники. В результате число подсудимых увеличилось.

Процесс начался 20 ноября. Суду были преданы 24 главных нацистских преступника с их

идеологией и практикой национальной исключительности, расизма, насилия.

Непосредственно после окончания Второй мировой войны существовала точка зрения, что поскольку Нюрнбергский процесс — это суд победителей над побежденными, то нельзя ожидать справедливого правосудия.

«Сразу после войны люди скептически относились к Нюрнбергскому процессу (имеются в виду немцы), — сказал мне летом 2005 г. заместитель председателя верховного суда Баварии Э. Бершмидт, давая интервью съемочной группе, которая работала тогда над фильмом „Нюрнбергский набат“. — Это все-таки был суд победителей над побежденными. Немцы ожидали мести, но необязательно торжества справедливости. Однако уроки процесса оказались другими. Судьи тщательно рассматривали все обстоятельства дела, они доискивались правды. К смертной казни приговорили виновных. Чья вина была меньше, — получили другие наказания. Кое-кто даже был оправдан. Приговор Нюрнбергского трибунала стал прецедентом международного права. Его главным уроком явилось равенство перед законом для всех — и для генералов, и для политиков».

Важной чертой Нюрнбергского процесса явилось обеспечение необходимых процессуальных гарантий для подсудимых, которые давали обвиняемым право защищаться лично или при помощи адвоката, предоставлять доказательства в свою защиту, давать объяснения, допрашивать свидетелей и т. д.

В частности, подсудимым предоставили защитников из немцев, которым платили большие деньги. Они располагали услугами 27 адвокатов (причём многие из них были в прошлом членами нацистской партии), которым помогали 54 ассистента-юриста и 67 секретарей. Подсудимые имели возможность знакомиться со всеми документами, которые представляли на процессе, причем в переводе на немецкий язык. Все они понимали, что говорится на процессе, т. к. был организован синхронный перевод на четыре языка — английский, французский, русский и немецкий. Подсудимые могли представлять свидетелей, причем количество свидетелей от подсудимых было в два раза больше, чем со стороны обвинения. В целом на защиту было потрачено в три раза больше времени, чем на обвинение. Достаточно сказать, например, что один только Геринг выступал на процессе почти два дня.

В зале суда и на местах были допрошены сотни свидетелей, рассмотрены тысячи документов, фотографии, документальные фильмы, кинохроника. Достоверность и убедительность этой базы не вызывали сомнений⁷.

Нюрнбергский процесс был гласным в самом широком смысле этого слова. Все 403 заседания Трибунала были открытыми. В зал суда было выдано 60 тыс. пропусков, часть из них получили немцы. Печать, радио, кино дали возможность миллионам людей во всём мире следить за ходом процесса. Именно для этой цели представителям средств массовой информации была отведена большая часть мест — 250 из 350.

Нюрнбергский процесс был действительно судебным процессом, а не политическим судилищем победителей над побежденными.

Нельзя не отметить, что советская делегация проделала огромную работу как по подготовке к судебному процессу, так и в ходе него. Необходимо было привести в нужный порядок огромное количество материалов и документов Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Требовалось также подготовить для использования на процессе трофейные документы, захваченные советскими войсками. В Нюрнберг была направлена небольшая группа работников прокуратуры для отбора в американском документальном центре материалов, которые могли быть использованы советскими обвинителями, а также для предварительного допроса обвиняемых и свидетелей. Эти работники просмотрели значительное число документов, из которых было отобрано несколько сот, причем важнейшие из них были переведены на русский язык полностью, а на большую часть составлены подробные аннотации.

Советские обвинители М. Ю. Рагинский и Л. Н. Смирнов готовили материалы для вступительной речи своего Главного обвинителя, оформляли документы, которые предназначались для использования на процессе. При Главном обвинителе от СССР для предварительного допроса обвиняемых и свидетелей, а также для надлежащего оформления доказательств, представляемых Трибуналу, были организованы документальная и следственная части⁸.

Кроме главных обвинителей на процессе поддерживали обвинение (представляли доказательства, допрашивали свидетелей и подсудимых) заместители и помощники главных

обвинителей. Они по уполномочию главных обвинителей давали заключения об относимости того или иного доказательства, по отдельным ходатайствам защитников подсудимых, текущим процедурным вопросам.

Надо отметить, что советские обвинители представляли доказательства не только по преступлениям, совершенным против СССР, но и против Чехословакии, Польши, Югославии, Греции. Кроме того, советский обвинитель Л. Н. Смирнов представлял доказательства о преднамеренном убийстве 50 пленных офицеров британского воздушного флота, бежавших в марте 1944 года из лагеря в Сагане,— их расстреляли после поимки по прямому приказу Гитлера. Выступления советских обвинителей имели не только юридическое, но и большое политическое значение.

Полковник Ю. В. Покровский выступал по разделам «Преступления против мира» (агрессия против Чехословакии, Польши и Югославии) и «Преступное попрание законов и обычаев войны в обращении с военнопленными»; государственный советник юстиции 3-го класса Н. Д. Зоря — по разделам «Агрессия против СССР» и «Принудительный труд и насильственный угон в немецкое рабство»; государственный советник юстиции 2-го класса М. Ю. Рагинский — по разделам «Разрушение и разграбление культурных и научных ценностей» и «Разрушение сел и городов»; старший советник юстиции Л. Н. Смирнов — по разделам «Преступления против мирного населения» и «Преступления против человечности»; государственный советник юстиции 2-го класса Л. Р. Шейнин — по разделу «Разграбление и расхищение государственной, частной и общественной собственности».

В соответствии с принятым на заседании Комитета обвинителей решением советские обвинители допрашивали в суде 15 подсудимых из 19. Главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко допросил Геринга, Риббентропа, Кейтеля, Розенберга и Фриче; его заместитель Ю. В. Покровский — Йодля, Деница и Редера; помощник Главного обвинителя М. Ю. Рагинский — Функа, Шпеера и Нейрата; помощник Главного обвинителя Л. Н. Смирнов — Кальтенбруннера и Франка; руководитель следственной части Г. Н. Александров — Шираха и Заукеля. Между советскими обвинителями были распределены и допросы свидетелей⁹.

Немало споров между союзниками было при подготовке приговора. Примером может

служить дискуссия по вопросу об отношении Трибунала к общему плану или заговору руководителей Германии. Представитель Франции Д. де Вабр и его заместитель Р. Фалько не находили признаков ни того, ни другого. К такой же оценке склонялся американский судья Ф. Биддл, поскольку до Нюрнбергского процесса понятия «заговор» в международном праве не было.

Член Трибунала от СССР И. Т. Никитченко и его заместитель А. Ф. Волчков приводили довод за доводом в пользу того, что общий план или заговор реально существовал, вызвал тяжелейшие последствия и ему нужно дать соответствующую оценку. Англичанин Н. Биркетт занимал такую же позицию и доказывал, что признание наличия общего плана или заговора является принципиальным для Трибунала, иначе процесс над нацизмом, его партией и государством превратится в суд над горсткой конкретных персон.

В результате был достигнут компромисс. Трибунал признал наличие общего плана или заговора в подготовке и развязывании агрессивных войн, но не в совершении военных преступлений и преступлений против человечности.

Приговоры обвиняемым рождались в столкновении мнений. В литературе отмечалась жесткость советских судей, которые якобы выступали за повешение всех обвиняемых. На самом деле смертной казни для всех требовал Главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко. Однако советские судьи считали, что Дениц, Папен и Фриче заслуживают лишения свободы на десять лет, а Шахт и Фрик — пожизненного заключения.

Французская сторона выступала за пожизненное заключение для Йодля, Розенберга, Франка, Фрика, а американская — для Розенберга и Фрика. Судьи от СССР и Франции не собирались никого оправдывать. При этом французы не соглашались с повешением, а предлагали расстрел.

Долгим спорам способствовало то, что при малом и четном числе членов Трибунала их голоса нередко делились на две равные части, тогда как для принятия окончательного решения требовалось минимум три голоса из четырех. В предварительном голосовании участвовали и помощники судей, но и тут нередко возникала «ничья». Из-за этого были оправданы трое подсудимых. Например, за осуждение Шахта выступали И. Т. Никитченко и Д. де Вабр, а Д. Лоренс и Ф. Биддл были против. Для вы-

несения наказания требовался третий голос, но поскольку его не было, Шахт был оправдан. Никитченко предлагал проводить решения двумя голосами, однако члены Трибунала его не поддержали.

В некоторых случаях большинство прислушивалось к меньшинству. Судьи из стран — союзниц СССР предполагали казнить осужденных через месяц после оглашения приговора, тогда как советская сторона называла более короткий срок — восемь дней. Компромиссом стали пятнадцать дней.

30 сентября — 1 октября 1946 г. Суд народов вынес свой приговор. Большинство обвиняемых было признано виновными в тяжких преступлениях против мира и человечества. Двенадцать из них трибунал приговорил к смертной казни через повешение. Другим предстояло отбыть пожизненное заключение или длительные сроки в тюрьме. Трое были оправданы.

В приговоре Нюрнбергского военного трибунала говорится: «Война по самому своему существу — зло. Ее последствия не ограничены одними только воюющими сторонами, но затрагивают весь мир. Поэтому развязывание агрессивной войны является не просто преступлением международного характера — оно является тягчайшим международным преступлением...»

Были объявлены преступными главные звенья государственно-политической машины нацистской Германии, доведенные фашистами до дьявольского идеала. Однако правительство, верховное командование, генштаб и штурмовые отряды (СА), вопреки мнению советских представителей, не были признаны преступными.

Нюрнбергский процесс приобрел всемирно-историческое значение как первое и по сей день крупнейшее правовое действие Объединенных Наций. Единые в своем неприятии насилия над людьми народы мира доказали, что они могут успешно противостоять вселенскому злу, вершить справедливое правосудие.

Горький опыт Второй мировой войны заставил всех по-новому взглянуть на многие проблемы, стоящие перед человечеством, и понять, что каждый человек на Земле несет ответственность за настоящее и будущее. Тот факт, что Нюрнбергский процесс состоялся, говорит о том, что руководители государств не должны рассчитывать на безнаказанность и игнорировать твердо выраженную волю народов и опускаться до двойных стандартов.

Являясь ответом на небывалые ранее в мировой истории злодеяния фашистов, Нюрнбергский процесс стал важной вехой в развитии международного права и национальных правовых систем. Он оказал и продолжает оказывать существенное влияние на становление многих норм международного обычного и договорного права и межгосударственных судебных институций, в том числе на создание по окончании «холодной войны» Советом Безопасности ООН специальных уголовных трибуналов по бывшей Югославии и для Руанды. Разработав в рамках ООН специальный международный договор — Римский статут Международного уголовного суда (1988 г.), народы мира реализовали давнюю идею создания постоянной международной судебной инстанции для наказания лиц, виновных в совершении международных преступлений¹⁰.

Отметим, что уставные (договорные) документы указанных международных судов (трибуналов) не только основаны на положениях Устава Нюрнбергского трибунала и вынесенного им приговора, но и творчески развивают их принципы применительно к современным условиям.

Однако многое еще предстоит сделать в развитии эффективного международного инструментария в борьбе с международными преступлениями.

Стоит задуматься, например, над тем, почему из 192 государств — членов ООН — 138 (или более двух третей) до сих пор не являются участниками заключенной в рамках этой Организации в 1968 г. Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества. Почему из 47 государств — членов Совета Европы только 5 участвуют в Европейской конвенции о неприменимости срока давности к преступлениям против человечества и военным преступлениям (1974 г.)?

Почти 10 лет со дня вступления в силу Римского статута Международного уголовного суда заинтересованные государства не могли решить, что следует понимать под «актом агрессии» и кто будет определять, есть ли основания для возбуждения уголовного дела. Только в июне 2010 года государства — члены ООН договорились дополнить Римский статут соответствующими положениями. Но предстоит сделать немало, чтобы эти дополнения вступили в силу и стали общепризнанными нормами международного

права. А для этого нужна соответствующая политическая воля государств...

Время — суровый судья. Оно абсолютно. Не будучи детерминированным поступками людей, оно не прощает неуважительного отношения к вердиктам, которые уже однажды вынесло, — будь то конкретный человек или целые народы и государства. К сожалению, стрелки на его циферблате никогда не показывают человечеству вектор движения, зато, неумолимо отсчитывая мгновения, время охотно пишет роковые письма тем, кто пытается с ним фамильярничать.

В первое послевоенное время казалось, что нюрнбергский Суд народов дал большой позитивный толчок, направленный на искоренение «коричневой чумы». В этом историческая роль Нюрнбергского процесса неоспорима. Тогда были разоблачены и подвергнуты уголовному преследованию тысячи и тысячи нацистов, на совести которых были невиданные, леденящие душу преступления.

В определенной степени подобным Нюрнбергскому оказался и международный судебный процесс в Токио над главными японскими военными преступниками, организованный в 1946 г. после капитуляции Японии. Перед Токийским трибуналом предстали 28 японских генералов, адмиралов, министров, дипломатов. 7 из них были приговорены к смертной казни, остальные — к тюремному заключению.

Напрашивается вопрос: сколько же и каких усилий требуется предпринять, чтобы из опыта Нюрнбергского и Токийского процессов были сделаны конкретные выводы, которые воплотились бы в добрые дела и стали прологом к созданию миропорядка без войн и насилия, основанного на реальном невмешательстве во внутренние дела других государств и народов, а также на уважении прав личности.

В последнее время появилась масса публикаций, фильмов, телевизионных передач, искажающих историческую реальность. В «трудах» многочисленных бывших «наци» и других авторов обеляются, а то и героизируются вожди Третьего рейха и очерняются советские военачальники — без оглядки на истину и действительный ход событий. В их версии Нюрнбергский процесс и преследование военных преступников в целом — всего лишь акт мести победителей.

При этом используется типичный прием — показать известных фашистов на бытовом уровне: смотрите, это самые обычные и даже милые люди, а вовсе не палачи и садисты.

Возьмем, например, Гимлера. Кем была эта «нежная» натура на самом деле? Вот его слова, произнесенные публично: «Как себя чувствуют русские, как себя чувствуют чехи, мне абсолютно все равно. Живут ли другие народы в благоденствии или вымирают с голоду, меня интересует лишь постольку, поскольку мы можем их использовать в качестве рабов для нашей культуры, в остальном мне это совершенно все равно. Умрут ли при строительстве противотанкового рва 10 тысяч русских баб от истощения или нет, меня интересует лишь постольку, поскольку этот ров должен быть построен для Германии...»

Краски теплых тонов находятся даже для Гитлера. В огромном по объему «гитлероведении» он — и храбрый воин Первой мировой войны, и артистическая натура — художник, знаток архитектуры, и скромный вегетарианец, и образцовый государственный деятель.

Не так давно в США опубликован скандальный доклад о жизни многих деятелей Третьего рейха, нашедших после войны прибежище в Америке¹¹. Перебравшиеся за океан фашисты и их пособники, как выяснилось, были очень востребованы в ЦРУ, военно-промышленном комплексе. Сколько всего нацистов перетекло после войны в США, не называется, но дается понятие — несколько тысяч.

Эта грязная история с укрыванием нацистов стала известна благодаря докладу минюста США, публикации которого очень долго сопротивлялись власть имущие в Вашингтоне. Работу над документом организовал старший юрист Марк Ричард, убедивший в 1999 г. коллег рассказать о «критической странице» в истории США (и надо отдать должное гражданскому мужеству этому человеку). Спустя шесть лет работа была завершена, но опубликовать ее не разрешили. Только благодаря адвокату Д. Собе-лу, подавшему в суд на минюст США, министерство предоставило копию доклада, из которого предсудительно исключило около тысячи страниц. Однако газете «Нью-Йорк таймс» удалось раздобыть полную версию доклада. В самом минюсте лишь заявляют, что доклад не завершен и полон фактических ошибок, но каких именно — не уточняют.

С сожалением приходится констатировать, что рецидивы прошлого в наши дни во многих странах звучат все чаще и чаще. Мы живем в неспокойном и нестабильном мире, год от года все более хрупком и уязвимом. Противоречия

между развитыми и остальными государствами становятся все острее. Появились глубокие трещины по границам культур, цивилизаций.

Более того, возникло новое масштабное зло — терроризм, быстро выросший в самостоятельную глобальную силу. С фашизмом его объединяет многое, в частности намеренное игнорирование международного и внутреннего права, полное пренебрежение ценностью человеческой жизни. Неожиданные атаки, цинизм, жестокость и массовость жертв терроризма сеют страх и ужас в странах, которые, казалось, хорошо защищены от любой угрозы.

В самой опасной, международной, разновидности это явление направлено против всей цивилизации. Уже сегодня оно представляет серьезную угрозу развитию человечества. Нужно обеспечить твердое и справедливое «слово и дело» в борьбе с этим злом, подобно тому, что сделал более шестидесяти лет назад в отношении германского фашизма Международный военный трибунал в Нюрнберге.

Сегодня мы вспоминаем Нюрнбергский процесс не только как важнейшее событие в истории человечества. Успешный опыт противостояния агрессии и нацистскому террору времен Второй мировой войны актуален по сей день, и заложенные первым международным судом принципы постоянно обнаруживают свою востребованность в современном глобальном мире, полном конфликтов и противоречий. Мир столкнулся лицом к лицу с новыми вызовами, на которые необходимо отвечать.

Не секрет, что популяризаторы фашизма и нацизма имеют определенное влияние на молодые умы, что таит огромную опасность для будущих поколений. Нельзя не отметить, что действия властей в некоторых странах вольно или невольно способствуют этому.

В ряде бывших союзных республик (прежде всего, в Прибалтике) начались активные попытки пересмотреть роль Советского Союза во Второй мировой войне. Логическим завершением этих поползновений стало принятие 3 июля 2009 г. резолюции Парламентской ассамблеи Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) «Воссоединение разделенной Европы: поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в двадцать первом веке». Проект этой резолюции, в которой фактически уравниваются нацизм и сталинский режим, был предложен Литвой и Словенией.

Аналогичным примером могут служить известные события в прибалтийских странах. К сожалению, и Европейский суд по правам человека вольно или невольно встал на сторону этих сил.

Печально известное постановление Большой палаты Суда от 17 мая 2009 г. по делу «Коновы против Латвии» можно рассматривать не просто как пересмотр справедливого постановления палаты Суда по данному делу, принятого ранее в 2008 г., но и в качестве попытки поставить под сомнение целый ряд ключевых политических и правовых принципов, сформировавшихся в результате Второй мировой войны и послевоенного урегулирования в Европе.

Деятельность Международного военного трибунала нередко называют «нюрнбергским эпилогом». В отношении казненных главарей

Третьего рейха, распущенных преступных организаций эта метафора вполне оправдана. Но зло фашизма и его различные проявления, как видим, оказалось более живучим, чем многим это представлялось тогда, в 1945–1946 гг., в эйфории Великой Победы. Более того, это зло проявляется и в странах-победительницах.

Нельзя сегодня утверждать, что свобода и демократия утвердились в мире окончательно и бесповоротно. И по-прежнему актуальным является призыв Юлиуса Фучика: «Люди, будьте бдительны!»

Уверен, что более пристальное внимание к Нюрнбергскому процессу, использование его опыта в практике поможет международному сообществу также выработать более эффективные механизмы борьбы с экстремизмом и терроризмом.

¹ Комиссия собрала множество материалов, уличающих гитлеровцев в уничтожении миллионов мирных жителей, в т.ч. детей, женщин и стариков, в бесчеловечном обращении с военнопленными, а также в разрушении городов, сел, памятников старины и искусства, угоне в немецкое рабство миллионов людей. Это были показания свидетелей и потерпевших, документальные материалы — фотоснимки, акты экспертиз, эксгумации тел погибших, подлинные документы, изданные самими гитлеровцами. — *Прим. авт.*

² Сам суд и публичная казнь осужденных стали темой документального фильма, показанного всей стране. — *Прим. авт.*

³ Правительства Канады и Австралии прислали отдельные меморандумы с возражениями против приравнивания этих доминионов к союзным советским республикам. Однако СССР продолжал настаивать на своей точке зрения и специальными меморандумами отверг притязания Канады и Австралии. — *Прим. авт.*

⁴ Работа комиссии подверглась резкой критике в палате представителей США. На одном из её заседаний 19 сентября 1944 г. представитель Демократической партии прямо заявил, что если не будут предприняты быстрые меры к активизации работы комиссии, то он выступит против дальнейших ассигнований средств на её работу. В печать проникли слухи о каком-то конфликте между комиссией и британским Форин офисом, в результате которых председатель комиссии сэр Сесиль Хёрст ушёл в отставку. — *Прим. авт.*

⁵ В дальнейшем к Соглашению присоединились еще 19 государств, и Трибунал стал с полным правом называться Судом народов. — *Прим. авт.*

⁶ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XI. — М., 1955. — С. 165–172.

⁷ Стенограммы Нюрнбергского процесса составили почти 40 томов, содержащих 16 тыс. страниц. Заседания записывались и на магнитную плёнку, и на диски. — *Прим. авт.*

⁸ Документальной частью руководил помощник Главного обвинителя Д. С. Карев, а следственную часть, в которую входили С. Я. Розенблит, Н. А. Орлов и С. К. Пирадов, возглавлял государственный советник юстиции 3-го класса Г. Н. Александров. Научным консультантом советской части Международного военного трибунала являлся член-корреспондент Академии наук СССР, профессор уголовного права А. Н. Трайнин, который еще до войны выступал за признание агрессии международным преступлением. — *Прим. авт.*

⁹ Рагинский М. Ю. Нюрнберг: перед судом истории, — М., 1986. — С. 56.

¹⁰ Этот международный судебный орган осуществляет свою деятельность с 1 июля 2002 г. в Гааге. — *Прим. авт.*

¹¹ И это не первое свидетельство того, что «цитадель демократии» на протяжении многих лет укрывала у себя немало нацистских преступников. — *Прим. авт.*